

— Вторая жена уже три года как в доме, — произнёс Тао Фэйгуан, сделав паузу и обернувшись с улыбкой.

Лу Чэньби лишь кивнул и продолжил:

— Когда у твоего младшего брата был праздник в честь месяца со дня рождения, мне тоже прислали приглашение. Но тогда дел было много, не смог приехать.

— Вы слишком любезны, господин Лу, — ответил Тао Фэйгуан.

Лу Чэньби больше ничего не сказал. Зато Се Сун какое-то время пристально смотрел на спину Тао Фэйгуана, но тут же почувствовал резкую боль в волосах. Опустив взгляд, он увидел, что Лу Чэньби, с холодным лицом, беззвучно приказал ему быть внимательнее.

Только тогда Се Сун снова принял свой обычный суровый и молчаливый вид.

Когда их проводили до места и все представления были закончены, Тао Фэйгуан собрался уходить.

Но Лу Чэньби остановил его:

— Мои ноги не в порядке, и тратить время в дороге мне не хочется. Усадьба Золотого Изящества — владения вашей Школы Беззаботных. Сходи к отцу и скажи, что я хочу, чтобы моя карета въехала на территорию.

Тао Фэйгуан согласился, пообещав передать просьбу, и удалился.

Цинь Шуан подкатила кресло. Лу Чэньби взглянул на неё, затем снова дёрнул Се Суна за волосы:

— Проводи меня в комнату.

Комната уже была прибрана и подготовлена теми, кто прибыл раньше. В печи горел уголь, в курильнице дымился привычный для Лу Чэньби аромат.

Се Сун усадил Лу Чэньби на лежанку у окна. Тот сначала откинулся на подушку, но вдруг резко открыл глаза, схватил со стола чашку и швырнул её на пол, разбив вдребезги.

Се Сун вздрогнул от неожиданности и замер на месте, не понимая, что происходит. Цинь Шуан, войдя снаружи, бросила взгляд на осколки и позвала служанку убрать их.

— Не смейте убирать! — рявкнул Лу Чэньби и швырнул на пол ещё одну чашку.

Две только что вошедшие служанки, оглушённые его криком, задрожали, побледнели и тут же упали на колени.

Цинь Шуан, увидев это, нахмурилась:

— Все они ни на что не годны. К чему вам гневаться на них?

— С чего вы взяли, что я гневаюсь? — усмехнулся Лу Чэньби и гневно продолжил:

— Будь я в гневе, разве Тао Фэйгуан ушёл бы отсюда целым и невредимым? По-моему, Тао Тин совсем свихнулся на женской постели — даже следы от колёс как следует не скрыл, подстроив

такую жалкую уловку, чтобы унижить меня! Специально выбрал для меня тихий двор, заставил меня объехать вокруг, чтобы все обитатели Усадьбы Золотого Изящества вышли и поглазели на калеку!

Цинь Шуан велела стоявшим на коленях служанкам выйти, а сама подошла и стала собирать разбросанные черепки.

— И что вы намерены делать, молодой господин?

Лу Чэньби холодно взглянул на неё:

— Всем, кто встречался по пути и чьи глаза на меня смотрели, — выкопать глаза.

Цинь Шуан не ответила, лишь тихо вздохнула.

Се Сун видел, что лицо Лу Чэньби покраснело от ярости. Подумав, он налил ему чаю:

— Выпейте, успокойтесь.

Лу Чэньби схватил чашку, собираясь швырнуть и её, но его запястье тут же было перехвачено.

— Не злитесь, здоровье у вас и так неважное, — сказал Се Сун, забирая чашку. Он хотел что-то добавить, но из-за окна донёлся странный звук.

Лу Чэньби вырвал руку и снова откинулся на подушку. Все следы гнева мгновенно исчезли с его лица.

Он отхлебнул воды, прочистил горло и снова принял свой обычный ленивый вид:

— Старая гвардия с их изощрёнными умами вынуждает меня разыгрывать этот спектакль.

Цинь Шуан, заворачивая осколки в платок, улыбнулась:

— Жаль только старшего сына семьи Тао. Отцу-то что — выставил его вперёд, чтобы тот наживал врагов.

— Новая мачеха — новый отец, как говорится. В этой поговорке есть доля правды, — закончил Лу Чэньби и, увидев, что Се Сун всё ещё стоит в стороне с глупым, ничего не понимающим видом, усмехнулся:

— Муянь, иди сюда, помоги мне размять ноги.

Муянь — имя, которое Лу Чэньби дал Се Суну для использования на людях.

Се Сун подошёл и, глядя на Лу Чэньби, напряжённо размышлял: был ли тот только что по-настоящему зол или всё это было спектаклем? Он спросил:

— Вы... притворялись? Кто был снаружи?

Лу Чэньби проигнорировал его, лишь откинулся на подушку, снимая головной убор, и пробормотал:

— Сестра Шуан, помоги распустить волосы. В дороге не выспался, хочу ещё немного полежать.

— Сегодня вечером нужно будет сходить в главный зал. Если вы сейчас уснёте, потом не подниметесь, — сказала Цинь Шуан, но всё же подошла, чтобы помочь ему с волосами.

Лу Чэньби недовольно хмыкнул и закрыл глаза:

— Пусть идёт Муянь.

У Се Суна дёрнулось веко, и он тут же возразил:

— Там будут все патриархи и главы школ. Если вы, господин, не появитесь, это будет неуважительно.

— Что в этом неуважительного? — парировал Лу Чэньби, и в голосе его вновь зазвучало раздражение:

— Все считают это неуважительным, но никто не спросит, считаю ли я это таковым!

Се Сун подумал, что характер у Лу Чэньби поистине непредсказуем — настроение меняется в мгновение ока. Интересно, в какой же «бочке мёда» его растили в детстве? Хорошо ещё, что рядом нашлась такая терпеливая и заботливая женщина, как Цинь Шуан. Будь в Школе Небесного Меча подобный младший брат по учению, его бы давно схватили за шиворот, вышвырнули в задние горы и заперли в келье для размышлений о своём поведении.

Но Усадьба Мечного Сияния — не Школа Небесного Меча, а Лу Чэньби — не младший брат Се Суна по учению. Поэтому, как бы капризен и переменчив он ни был, всегда находился кто-то, кто умел его умаслить.

— Всё равно нужно сходить, просто пойдём пораньше и пораньше вернёмся, — мягко сказала Цинь Шуан, помогая Лу Чэньби снять верхнюю одежду и взглянув на небо за окном:

— Вечером нужно будет надеть что-то потеплее.

Лу Чэньби кивнул:

— Позже прогони всех слуг, что раньше работали в этом дворе, оставь только своих. Те, кто подслушивали у стены, скорее всего, действовали по указанию Фэнов. Тао Тин не настолько глуп — он не стал бы делать подобное, пока жива его матушка.

Цинь Шуан согласилась:

— Я позабочусь об этом. Только двор этот расположен в глубине, на коляске будет продувать.

— Пусть принесут паланкин, — сказал Лу Чэньби, потирая глаза. — Погода становится всё холоднее.

Се Сун всё это время молча слушал, опустив голову. Услышав, что Лу Чэньби замёрз, он достал из шкафа толстое одеяло и передал Цинь Шуан. Затем, словно что-то вспомнив, добавил:

— В Школе Небесного Меча есть комплекс упражнений. Хоть и не самая глубокая боевая техника, но передаётся издавна. Если выполнять его каждый день, зимой тело остаётся в тепле. Если вы, господин, не сочтёте за труд...

Не успев договорить, он встретился взглядом с открывшим глаза Лу Чэньби.

Тот взгляд заставил его замолчать.

Разве в Усадьбе Мечного Сияния не хватало техник совершенствования тела? Просто этот молодой господин сам не желал тренироваться. Да и без тренировок зимой у него в избытке было и горячей воды, и угля. Когда уж ему-то, Се Суну, беспокоиться об этом?

— Почему замолчал? Что ты хотел? — Лу Чэньби, подперев голову рукой, смотрел на него с улыбкой.

Всё равно, сказав это, он лишь выслушает пару насмешек. За это время Се Сун уже привык к его язвительным замечаниям. Поэтому он просто выпалил, что может показать Лу Чэньби эти упражнения.

Он ожидал, что тот посмеётся над ним: мол, сам едва держишься, а уже о других заботишься, или сравнит с собакой, которая ловит мышей не своего удела. Но Лу Чэньби ничего не сказал. Лишь улыбка сошла с его лица, и он не стал продолжать разговор.

— Господин Се прав, молодому господину и впрямь стоит больше двигаться, — вступила Цинь Шуан с улыбкой и, заговорив о том, что в холода нужно теплее одеваться, сменила тему.

Когда Лу Чэньби задремал, Се Сун вышел и встал на пост у двери. Теперь он был личным охранником Лу Чэньби и не мог отходить далеко.

Его Длинный Вой был обмотан тонкой верёвкой, завернут в ткань и спрятан под постелью. Теперь при нём был длинный меч, который Лу Чэньби выкопал для него из кладовой.

Как сказал Лу Чэньби: «Всё равно в кладовой пылился, лучше отдать тебе. Но если сломаешь — возместишь».

Се Сун провёл рукой по клинку. Меч был хороший, но лежал в руке непривычно.

Обхватив меч, он сел на галерее и погрузился в мысли о недавно увиденном Тао Фэйгуане.

Сын патриарха Школы Беззаботных, старший брат по учению среди учеников своего поколения. Пару лет назад Се Сун ещё видел его. Тогда мать Тао Фэйгуана была жива, а сам он был совсем не таким степенным — непоседливым, вечно ищущим развлечений и вовлекающим в свои шалости младших братьев по учению.

Однажды он слегка перешёл границу, и отец отчитал его. Се Сун случайно стал свидетелем этого. Хотя слова Тао Тина и были укоризненными, на лице его играла улыбка — он и вправду не сердился.

<http://bllate.org/book/15939/1424795>